

АРМИЯ “ПРАВДЫ” НАЧДИВА САПОЖКОВА

© 2006 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

В 1920 г. в Бузулукском уезде Самарской губернии вспыхнул мятеж красноармейской дивизии, который возглавил начдив Александр Сапожков. В данной статье рассматривается ход восстания, анализируются его причины и программа.

Крестьянские восстания 1919-1920 гг. в Среднем Поволжье, одном из главных аграрных регионов страны, стали неотъемлемой частью крестьянского движения эпохи гражданской войны. Крестьянский протест был обусловлен, в первую очередь, непомерно высоким уровнем обложения крестьянского хозяйства, развалом торговых отношений между городом и деревней, негативно сказавшийся на жизни крестьян, а также процессом политической централизации, подрывавшим влияние сельчан в местных советах и приведшем к возникновению на местах диктатуры большевиков¹. С 1920 г. в крестьянском движении появляется новый элемент – мятежи в частях Красной Армии, и одним из самых известных среди них стал мятеж 9-й кавалерийской дивизии под командованием Александра Сапожкова.

Александр Сапожков – уроженец Новоузенского уезда Самарской губернии, родился в крестьянской семье. Участвовал в I Мировой войне; в 1917 г. в чине подпоручика вернулся в Новоузенск. Сапожков стал первым председателем Новоузенского уездного совета. В документах следствия отмечалось, что Сапожков был “главным руководителем октябрьского переворота” в уезде, в мае 1918 г. был избран членом самарского губревкома, “до чехословацкой авантюры – левый эсер, впоследствии называл себя коммунистом, формально, однако, не записываясь в партию”².

В 1918 г. под руководством Сапожкова в Новоузенском уезде создавались красногвардейские отряды из революционно настроенных крестьян и фронтовиков. Как

писал И.С. Кутяков (ближайший соратник В.И. Чапаева, прошедший во многом сходный путь от организатора сельско-красногвардейского отряда до начдива), процесс создания Красной гвардии в Новоузенском уезде шел под знаком борьбы с уральским казачеством. Казаки, отмечал Кутяков, еще до начала боевых действий вторглись в пределы Новоузенского уезда для захвата имущества “казачьих помещиков” и возвращения его бывшим хозяевам. Беднота, распоряжавшаяся этим имуществом, казаками избивалась, а члены сельских и волостных Советов подвергались расстрелу. Такими действиями уральское казачество заставило крестьян стихийно вступать в ряды Красной гвардии³.

Бригады Сапожкова и Чапаева, организовывавшего красногвардейские отряды в соседнем Николаевском уезде, практически полностью сформированные из крестьянских отрядов, вошли в созданную июне 1918 г. 4-ю Армию Восточного фронта и действовали в районе Уральска против белоказаков и Народной армии Комуча. В ходе этих боев Сапожков зарекомендовал себя как талантливый командир.

В феврале 1919 г. Сапожков возглавил 22-ю стрелковую дивизию (в которой он и служил в то время), входившую в состав 4-й Армии, поскольку бывший начдив А.А. Деметьев не смог подавить мятеж во вверенной ему части (во время мятежа были убиты члены Реввоенсовета 4-й Армии Линдов, Майоров, Мяги). В апреле 1919 г. дивизия была окружена в Уральске белоказаками генерала Толстова. 20 апреля город был объявлен на осадном положении. Связь со штабом

4-й Армии и ее командующим К.А. Авксентьевским поддерживалась только по радио и самолетами. Героическая 80-дневная оборона Уральска прославила и дивизию, и ее командира; три стрелковых полка были награждены Почетными революционными Красными Знаменами, еще один полк и свыше 100 человек - орденами Красного Знамени⁴. Осада была снята 11 июля 25-й стрелковой дивизией и Особой коммунистической бригадой (командир - И.М. Плясунков) под общим командованием В.И. Чапаева.

Впоследствии 22-я дивизия была переброшена на Южный фронт и сражалась в Донской области, однако Сапожков “за неумелое командование и за разлагающую политику ... был убран с фронта и послан в тыл для формирования частей из собранных дезертиров”⁵. Вернувшись в 1920 г. с фронта, Сапожков предпринял попытку прекратить в Новоузенском уезде продразверстку и восстановить свободную торговлю, завершившуюся, конечно, неудачей. Тем не менее, Сапожкову поручили сформировать в Бузулукском уезде Самарской губернии 9-ю кавалерийскую дивизию для дальнейшей отправки на Юго-Западный фронт.

Дивизия состояла из двух полков, один из которых был образован из бывших бойцов 25-й Чапаевской дивизии с основным ядром из новоузенских крестьян, “закаленных в гражданской войне”, другой полк был составлен из уральских казаков-перебежчиков. На различные командные посты Сапожков назначал своих старых боевых товарищей, многие из которых являлись левыми эсерами, что по справедливому замечанию Д.А. Сафонова, в советской историографии стало автоматическим объяснением их контрреволюционности⁶. Особый отдел дивизии возглавлял Василий Масляков, также преданный Сапожкову. Дивизия отличалась слабой дисциплинированностью: поступали сообщения о насилиях, чинимых над крестьянами, агитации против продовольственной политики Советской власти, и даже “оскорблении портрета Ленина”⁷.

В конце июня 1920 г. начдива вызвали в штаб Заволжского военного округа (ЗВО), где

сделали предупреждение по поводу антисоветской агитации в дивизии, которое, видимо, не возымело должного действия. 4 июля командующим войсками ЗВО К.А. Авксентьевским был издан приказ об отстранении Сапожкова с поста начальника 9-й дивизии в связи со служебным несоответствием. На его место был назначен бывший офицер царской армии Г.О. Стосуй. Ничего не знавший об этом Сапожков 5-6 июля был в Самаре и, по непонятным причинам, штаб округа допустил его возвращение в дивизию. Только 8 июля известие об отстранении Сапожкова достигло дивизии, и произвело на него “потрясающее впечатление”. По показаниям Маслякова, “вид у него (Сапожкова) был похоронный; прислонясь к забору, он нервно говорил о том, что он все свои способности, силы и здоровье отдал на укрепление Советской власти. При этом вынул из кармана копию радиотелеграммы от т. Ленина, полученной им в Уральске во время осады, в которой Ленин телеграфировал ему, Сапожкову, что Республика его (Сапожкова) за удержание Уральска не забудет. А теперь, говорил далее Сапожков – меня смещают... Сапожков уже плакал”⁸.

9 июля на совещании близких ему командиров Сапожков сообщил о своей отставке, “полном гонении из Самары против старых работников дивизии”, предложил “выразить протест вооруженной силой”, а также выдвинул идейную платформу будущего восстания: 1) долой комиссаров и старых спецов; 2) освободить из тюрем политзаключенных и других мелких преступников за исключением контрреволюционеров и совершивших преступления с корыстной целью; 3) реорганизовать советы, в выборах которых имеют право участвовать только имевшие к 1914 г. капитал не более десяти тысяч рублей⁹.

Вечером 13 июля собрание комсостава дивизии подтвердило решение о вооруженном выступлении и приняло соответствующую резолюцию. Людей, “опасных для заговора”, арестовали. Примечательно, что в эти дни Сапожков говорил с Авксентьевским по телефону и предупреждал, что его отстранение вызовет недовольство или даже восста-

ние. Сам Авксентьевский 12 или 13 июля говорил своим подчиненным, что если восстание произойдет, то Сапожков со всеми своими частями будет немедленно раздавлен, однако никаких конкретных действий не предпринимал¹⁰. Отметим, что в историографии мятеж обычно преподносится как неожиданный, а возможность его предупреждения командованием округа даже не обсуждается¹¹. Между тем, штаб округа мог сделать это еще раньше, не позволив Сапожкову 6 июля вернуться в дивизию, поскольку сама возможность мятежа была очевидна уже тогда – как и тот факт, что без него восстание вряд ли бы состоялось.

Утром 14 июля был Сапожков отдал приказ о начале боевых действий. Далее события развивались стремительно – в течение одного дня.

В этот день на дивизионном митинге в селе Погромном, в 25 верстах от Бузулука, Сапожков зачитал Приказ №1 о переименовании 9-й кавдивизии в 1-ю Красную армию “Правды”, призвал выступить против буржуазии и “других элементов, которые недавно под мощным ударом Красной Армии сложили оружие и в настоящее время занимают видные ответственные посты, как то: в совнархозах, райпродкомах, штабах”. Сапожков заявил, что в партии большевиков произошел раскол, а в стране введено “неправильное государственное правление”, которое вконец подорвало силу русского народа и пролетариата. Была провозглашена и цель восстания: “объединить все беднейшее рабоче-крестьянское население в одной идее, сломив слишком обуржуазившихся некоторых ответственных членов коммунистической партии под лозунгом: “Вся власть Советов действительно по программе партии большевиков на основе Конституции!”.

§28 Приказа №1 разрешал свободную торговлю всеми нормированными продуктами потребления, при этом указывалось, что лица, замеченные в спекуляции, будут привлекаться к самой суровой ответственности.

Этим же приказом политическим руководителем 1-й Армии “Правды” назначался Ф.И. Долматов, начальником I кавдивизии

Армии “Правды” - Т.Ф. Зубарев, начальником штаба - Е. Хорошилов, его помощником по административной части - С. Хорошилов, командиром 1-ой стрелковой бригады 1-й стрелковой дивизии - тов. Воробьев, политотдел расформировывался, особый отдел упразднялся. В последнем параграфе Приказа №1 бойцам Армии “Правды” предписывалось соблюдать самую строжайшую дисциплину, поскольку дисциплина – это основа Красной Армии и ее боеспособности, а всякое разгильдяйство, неподчинение и неисполнение приказов, соответственно, будет строго караться¹².

И. Плясункову было поручено немедленно отправиться в Пугачевский уезд и приступить там к формированию 2-ой стрелковой дивизии Армии “Правды”, поднять все население Пугачевского уезда, занять Пугачев, Балаково и все побережье Волги между Самарой и Покровском. В помощь Плясункову планировалось выделить 30 красноармейцев, состоявших ранее в 25-й стрелковой дивизии имени Чапаева. Напомним, что дивизия эта формировалась из добровольцев на территории Николаевского (с 1920 г. - Пугачевского) уезда, жителем которой был и сам В.И. Чапаев, а Плясунков командовал бригадой в составе дивизии. Намерения повстанцев очевидны: использование связей чапаевцев с местными жителями и авторитет самого имени Чапаева, на их взгляд, способствовали бы успеху задуманной операции. Затея эта не удалась, поскольку, как сообщил 18 июля на рабоче-красноармейской конференции в Самаре К.А. Авксентьевский, один из соратников Сапожкова, Плясунков, командир бригады, был взят в плен и уже раскаялся в своем поступке¹³.

В тот же день, 14 июля, Сапожков двинул свои отряды на Бузулук. Гарнизон города насчитывал 700-800 штыков, силы Сапожкова в начале восстания составляли 500 человек кавалерии, 500 человек пехоты, 2 орудия, 3 пулемета¹⁴. Следует сказать, что о подготовке к восстанию в Бузулуке до последнего дня было неизвестно, поскольку обсуждение шло только в узком кругу лиц, близких начдиву. Принял участие в заговоре и начальник особого отдела дивизии В. Масляков.

После того, как в Бузулуке было получено известие о мятеже, с Сапожковым несколько раз пытались вступить в переговоры по телефону, но безрезультатно. Ввиду того, что положение становилось критическим, и неизбежность боевых действий была очевидна, в городе был организован военно-революционный комитет, все ненадежные воинские части разоружены, и одновременно вооружились местные коммунисты и комсомольцы. Ревком вел телеграфные переговоры с Оренбургом и Самарой о присылке воинских частей. Около 12 часов дня на личные переговоры в Ново-Александровку (5 верст от Бузулука) отправился уездный военком Степан Сучков. Сапожков выставил следующие требования: 1) выдать 15 бузулукских партийных и советских работников, 2) разрешить вольную торговлю, 3) разогнать райпродком. Вскоре все эти требования свелись к одному - сдать Бузулук, иначе он будет взят штурмом. Переговоры ни к чему не привели, и Сучков вернулся в Бузулук.

В 15 часов 14 июля сапожковцы начали наступление на Бузулук. Город продержался 1 час, затем оборонявшиеся стали отступать. Войдя в город, часть конницы Сапожкова повернула на станцию Колтубанка, захватив которую, повстанцы разобрали железнодорожный мост через реку. По словам очевидца, на красном знамени въехавшего в Бузулук противника было написано наверху мелкими буквами "*Рос. Сов Социал. Респ.*" и в середине крупными буквами: "Долой яйца и масло, да здравствует соль!". Отдельные повстанцы говорили, что они стоят за советскую власть и разрешают вольную торговлю, разгонят райпродкомы и коммунистов, произведут пере выборы советов. Главной причиной их восстания является, как заявляли повстанцы, недовольство продовольственной политикой "засевших за власть коммунистов" и последняя разверстка губпродкома на масло и яйца¹⁵. Упомянутый выше лозунг носит популистский характер: в 1920 г. продразверстку распространили практически на все продукты сельскохозяйственного производства, в том числе масло, яйца, мясо.

Часть бузулукского гарнизона сразу при-

соединилась к восставшим. В городе повстанцы сразу стали запасаться военным имуществом и продовольствием, а также уводили гужевой транспорт и лошадей¹⁶.

Вечером в городе был вывешен приказ, в соответствии с которым город объявили на осадном положении, под страхом расстрела жителям приказывалось сдать имеющееся оружие. Была объявлена мобилизация крестьян окрестных деревень, которая оказалась очень успешной – крестьяне охотно вступали в ряды Армии "Правды". Профсоюзами был избран новый исполком с коммунистом во главе. Комендантом Бузулука назначили Василия Серова (участник I Мировой войны; в 1918 г. создал и возглавил красногвардейский отряд села Куриловка Новоузенского уезда, вошедший затем в 22-ю дивизию)¹⁷. Советских и партийных работников Бузулука, отказавшихся присоединиться к восстанию, арестовали (сразу отметим, что никаких расстрелов, расправ, избиений и т.п. повстанцами не производилось).

Сохранились довольно подробные записи разговоров Сапожкова с арестованными советскими работниками. В частности, Сапожков упомянул расстрел Думенко (Б.М. Думенко командовал Сводным конным корпусом, расстрелян 11 мая 1920 г. по подложному обвинению в убийстве военкома корпуса и подготовке антисоветского мятежа), сказал, что "если бы Чапаев не был убит, его бы, конечно, расстреляли, как, несомненно, расстреляют и Буденного, когда будут в состоянии без него обойтись", отметил, что наблюдается закабаление армии военспецами, ставшими в ней полными хозяевами, вместо испытанных бойцов: "Остается ожидать только, что пригласят великого князя Николая Николаевича". Советские работники, по его словам, оторвались от масс, обуржуазились и образовали какую-то касту, живущую в исключительно привилегированных условиях, а жены их начинают ходить в бриллиантах. Критиковал Сапожков и внешнюю политику советского правительства, утверждая, что она принимает захватнический характер, и что мирные условия Польши должны быть приняты.

Красная Армия, по мнению начдива,

“сконструирована неудовлетворительно”: институт военных комиссаров вносит двоевластие, что скверно отражается на боевой работе, а также ведет к развитию взаимного шпионажа среди красноармейцев. В армии должно быть введено строгое единоначалие, причем командовать частями должны не спецы, а испытанные боевые революционеры.

Весьма резкой критике подверг Сапожков и продовольственную политику советской власти, которая осуществляется просто безобразно, сопровождается угнетением крестьянства и всяческими насилиями; она требует полной реорганизации. Местные коммунисты, по словам Сапожкова, творят преступления, ложно информируют центр о своей работе и политике на местах.

В заключении начдив коснулся “еврейского вопроса”, выразив удивление, что “евреи кишмя кишат в тылу, в то время как на фронте их чрезвычайно мало”. Как отметили собеседники, весь разговор велся Сапожковым в очень корректном тоне: возможно, он хотел привлечь их на свою сторону. В заключение начдив выразил твердую уверенность, что через 2 недели на его стороне будет все Поволжье; через 3 дня он возьмет Самару¹⁸.

15 июля Реввоенсовет Армии “Правды” принял “Декларацию прав человека гражданина Р.С.Ф.С.Р.”, которая, в частности, предусматривала следующие шаги:

- провести пере выборы советов с тщательной фильтрацией всех советов и исполкомов “от присосавшегося буржуазного элемента”;
- все органы РКП/б/ оставить на месте, но произвести тщательную перерегистрацию членов партии в соответствии с указаниями ЦК;
- всю промышленность и торговлю передать государству “с ревизиями созданной Рабоче-Крестьянской инспекции”, каждый гражданин может “пользоваться кустарным производством и торговлю не превышающим сумму 100 000 рублей”¹⁹.

В этот день в Бузулуке состоялось три митинга, на которых повстанцы выступали с речами, направленными против действий

центральной власти, которая теперь, как и раньше, населению ничего не дает, а “только все берет и разоряет, ведя теперь уже войну на чужих территориях”. В учреждениях засели золотопогонники и буржуи, от которых, по словам выступавших, они хотят освободить беднейший класс²⁰. Главными ораторами на митингах были Масляков и Дворецкий, Сапожков же почти не выступал. Дворецкий, в частности, произнес речь о III Интернационале, объявив, что ему посылается приветственная телеграмма. На вопросы о коммунах и совхозах выступающие отвечали, что коммуны они считают буржуазными организациями и их, соответственно, не поддерживают, а совхозам же придается большое значение и признают необходимым способствовать их развитию²¹.

Сапожковцам удалось продержаться в Бузулуке всего 2 дня. Заметим, что еще вечером 14 июля Самарский губисполком направил для борьбы с повстанцами отряд под командованием тов. Шпильмана, который уже 15-го вел бои северо-западнее Бузулука. На поддержку отряду Шпильмана прибыли эскадрон запасного кавалерийского дивизиона и рота добровольцев из Самары. Одновременно в район мятежа Оренбургский губком РКП/б/ выслал отряд свыше 1 000 бойцов под командованием тов. Келлера. 16 июля Бузулук был взят, а 18 июля отряды объединили в Бузулукскую группу войск. Непосредственное командование войсками осуществлял комендант Оренбургского укрепрайона В.П. Распопов, общее командование по подавлению мятежа было возложено на К.А. Авксентьевского. Всего в подавлении мятежа участвовал военные части в составе 12 362 штыков, 1 659 сабель, 89 пулеметов, 46 орудий²².

Сапожков отступил из Бузулука на юго-запад. В связи с этим начальник оперативно-го отдела Заволжского военного округа Федоров докладывал: “Чем дальше он двигается на юг, тем более сочувствия среди населения встречает Сапожков, и тем удачнее его мобилизации. Сапожкову здесь радуются, нас боятся и ненавидят. Чем дальше Сапожков будет двигаться, тем труднее будет с ним

борьба²³.

Командование ЗВО проявляло в деле подавления мятежа явную нерасторопность. 22 июля, оправдываясь, Авксентьевский объяснял медлительность в подавлении восстания тем, что восставшие полки сидят на конях, тогда как отряды, посланные для ликвидации мятежа, почти все пешие. Степная местность, отсутствие связи и хороших дорог также, по его мнению, препятствовали быстроте действий частей Красной Армии²⁴, но, по-видимому, не мятежной дивизии.

28 июля на имя Авксентьевского поступила телеграмма Троцкого следующего содержания: “Мятеж Сапожкова должен быть ликвидирован как можно скорее. Виновники сверху донизу должны быть беспощадно покараны. В подведомственном вам районе возможны широкие кулацкие восстания. Предупредить их можно только дав незабываемый урок всем элементам, которые прямо или косвенно поддерживают мятеж Сапожкова. Кара должна быть распространена не только на командный состав, но и на солдат. Если считаете полезным, выезжайте сами в район ликвидации мятежа. Полезно распространение воззваний самолетами в районе восстания. В этих воззваниях вы могли бы сказать, что вами получен приказ расстреливать всякого повстанца, захваченного с оружием в руках. Смягчение участи ожидает только добровольно сдавшихся с оружием. Сообщите состав трибунала и инструкции, данные трибуналу²⁵. Тем временем, ситуация с подавлением мятежа становилась все более тревожной. 29 июля Саратовский губком РКП/б/ сообщал в ЦК, что по информации комиссара штаба трудармии Ратнера видно, что командования фактически нет, из командиров никто не знает общего положения дела, учет воинских сил не ведется, пропадают целые отряды. В то же время командующий округом Авксентьевский пьянствует, поверяя ведение операций неблагонадежным членам реввоенсовета - спецам, авторитет советских работников в частях, ведущих операции против восставших, сведен на нет²⁶. 1 августа пришла еще одна телеграмма от Троцкого с обвинениями в непозволительном затягива-

нии ликвидации мятежа²⁷.

Видимо, давление Троцкого ускорило деятельность штаба округа. По разработанной схеме наступлением из деревни Ишинбаево, хутора Верхне-Солянского, села Умет-Переметного, из Ново-Озерной, Россошинской и Большой Черниговки образовывалась петля вокруг деревни Таловой (Пугачевский уезд), которая находилась в руках сапожковцев с 26 июля. Однако, несмотря на тщательность подготовки операции, Сапожкову удалось ускользнуть из окружения, разбив свою армию на 2 отряда: 8-й полк Армии “Правды” под командованием Усова и Серова ушел на Уральск, Сапожков с 7-м полком в обход саратовских пехотных курсов ушел в направлении Новоузенска²⁸.

Вероятно, Сапожков рассчитывал превратить эти места, где он, по признанию властей, был хорошо известен и пользовался большой популярностью, и которые сам прекрасно знал, в свой оплот. Возможно также, что он намеревался прорваться в низовья рек Волги и Урала, чего крайне опасался В.И. Ленин²⁹. Уральск был объявлен на осадном положении, в городе прошла мобилизация. Взять Уральск сапожковцам не удалось. 9 августа в районе Кон-Так-Кулук отряд Усова был разбит группой Келлера. Самому Усову с остатками отряда (20-30 человек) удалось уйти в западном направлении, и несколькими днями позже соединиться с Сапожковым. Отряд самого Сапожкова в конце июля – начале августа потерпел несколько поражений подряд. 6 августа он попытался атаковать Новоузенск, но гарнизон, незадолго до того получивший подкрепление из центральных районов России, устоял, хотя местные чекисты сообщали, что часть жителей ждет повстанцев. Вторая атака 11 августа тоже была отбита.

2 августа в адрес ревкома Уральской области, Президиума Саратовского исполкома, К.А. Авксентьевского, а также губкомов РКП/б/ Саратова и Уральска пришла телеграмма от В.И. Ленина по поводу мятежа Сапожкова. В ней с целью облегчения борьбы с Сапожковым и недопущения его бегства предлагалось принять, в частности, следующие меры: “1) обязать все ревкомы и исполкомы

оставаться на местах до последней возможности, энергично ведя агитацию против изменника и всячески препятствуя его агитации среди населения... 5) пресекать в корне всякое проявление сочувствия и тем более содействия местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти; в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главарей; от селений, лежащих на пути следования Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия”³⁰.

Местными властями и военными ряд мер, предложенных Троцким и Лениным, были осуществлены. В частности, в Пугачевском уезде усиленно велась информационная агитация о “гнусностях Сапожкова”; с аэроплана разбрасывались листовки соответствующего содержания. В свою очередь, К.А. Авксентьевский отдал особому отделу распоряжение арестовать в качестве заложников семьи и родственников Сапожкова, Зубарева и других лидеров мятежа (практически все семьи жили в районе Новоузенска и Уральска)³¹.

8 августа красноармейцами была взята в плен восемнадцатилетняя Дарья Степановна Сапожкова, жена начдива, с момента восстания следовавшая за мужем. 2 сентября ревтрибуналом она была приговорена к расстрелу по обвинению в государственной измене. Однако 3 сентября исполнение приговора было решено приостановить, поскольку “сохранение жизни осужденной Сапожковой как лица, имеющего значение для Сапожкова, является желательным именно в данный момент напряженного преследования главного мятежника, в целях его обуздания, дабы создать положение компенсации на случай, если бы кто из преследующих его доблестных героев Красной Армии, случайно оказался плененным мятежниками”.

Забегая вперед, заметим, что 22 сентября, спустя 2 недели после гибели Сапожкова, В.П. Распопов, командующий войсками по подавлению мятежа, лично в письме во ВЦИК предлагал пощадить жизнь Дарьи Сапожковой, молодой, неопытной женщины, у которой попросту не было выбора. Изначально Дарья, сообщил Распопов, была машини-

сткой начдива, затем “случайно оказалась на положении жены главного бунтовщика” и, конечно, самостоятельно действовать не могла³². К сожалению, дальнейшую судьбу Дарьи Сапожковой проследить пока не удалось.

Весь август продолжались бои сапожковцев с преследующими их частями Красной Армии. Силы Армии “Правды” стремительно таяли, и Сапожков вынужден был отступить в заволжские степи в район озера Бак-Баул. Решающий бой состоялся 6 сентября, когда отряду красноармейцев под командованием тов. Тимашева в составе 70 человек конницы и 2 пулеметов, удалось настигнуть сапожковцев в районе аула Койм. “Во время последней атаки Сапожков руководил ею, находясь впереди своего отряда. В тот момент, когда противник поколебался и стал отступать, курсант борисоглебских кавкурсов Шевцов с тремя товарищами отряда Шпильмана бросились наперерез Сапожкову, который, заметив этот маневр, сам бросился вперед на преследующих. В это время, когда Сапожков был окружен, Шевцов спешил к нему, подбежав к нему, выстрелил. Пуля попала в лошадь, которая, падая, придавила Сапожкова. Сапожков стал звать на помощь командира батареи Землянского и его помощника Будыкина, уже спешивших к нему на помощь, подсказав к нему, они старались вытянуть его из-под лошади, Шевцов, видя, что Сапожкова живым взять не удастся, выстрелил в него в упор и убил наповал”, - так заканчивалось донесение в штаб Заволжского военного округа³³.

С обозом повстанцев было захвачено 22 млн. 781 тыс. 380 рублей, деньги впоследствии сдали в Киргизское казначейство. Остатки мятежников разбились на 3 группы по 10-15 человек и рассеялись в южном и юго-западном направлениях³⁴.

С 7 по 14 августа 1920 г. в Самаре проходили открытые судебные заседания ревтрибунала Заволжского военного округа по делу о вооруженном контрреволюционном мятеже 9-й кавалерийской дивизии под руководством бывшего начдива Сапожкова. Тогда перед судом предстало 150 человек, из них 52 были приговорены к расстрелу, в том числе Василий Масляков, 29 лет, бывший

начальник особого отдела 9 кавдивизии, Георгий Дворецкий, 20 лет, начальник активной части особого отдела, Андрей Осипов, 25 лет, председатель полевой комиссии по борьбе с дезертирством, Федор Зубарев, 37 лет, комбриг, и другие захваченные в плен активные участники мятежа. Из командного состава мятежной дивизии удалось скрыться Серову, Усову и Долматову. Как известно, в апреле 1921 г., собрав около 15 человек - бывших сапожковцев, Серов открыто выступил против советской власти и возглавил одну из самых известных "банд", боровшихся с властями в 1921-1922 гг., в которую влились и отряды Усова и Долматова.

В августе и осенью 1920 г. на местах работали выездные сессии ревтрибунала. Всего перед судом предстало, по меньшей мере, около 2 000 человек, к высшей мере наказания приговорено свыше 117 человек, хотя эти цифры, по-видимому, не окончательные³⁵.

Таким образом, в первой половине сентября 1920 г. мятеж Армии "Правды" был окончательно подавлен. Вернемся еще раз к причинам мятежа и рассмотрим их более подробно. Большинство исследователей традиционно склонялись к следующему объяснению событий: Александр Сапожков был отстранен от должности начдива как несоответствующий назначению; обида, подпитываемая ненавистью к специалистам из царской армии, на одного из которых его променяли, неудовлетворенные амбиции, авантюризм и, конечно, "криминальное" левоэсеровское прошлое толкнули его на мятеж, а рядовые красноармейцы участвовали в мятеже в силу несознательности и непонимания ситуации³⁶.

Однако документы позволяют дать несколько иную трактовку событий. 27 июля ответственный работник Петухов сообщал в ЦК партии из Самары следующее: "Сапожков поднял бунт после отстранения его от командования за пьянство, он был прав, возмущаясь этим поступком Заволжского округа, ибо таковое во главе с Авксентьевским, Андерсом и другими само часто является даже на службу в штаб в невменяемом состоянии от опьянения... По некоторым версиям, я слышал, если послать категорический при-

каз о сдаче Сапожкова за подписью товарищей Ленина и Троцкого и в этом же приказе отозвать Авксентьевского и человек пять генштабистов из штаба округа: Андерса, Балтийского, Токаревского, Кирпичникова и Волкова, то Сапожков сдастся"³⁷. Как свидетельствует этот, да и другие документы, склонность к злоупотреблению спиртным не являлась редкостью ни в Заволжском военном округе, ни в Красной Армии в целом.

Печальную картину рисуют и материалы следкома, ведшего в конце 1920 г. расследование деятельности округа. В докладе во ВЦИК приведены следующие факты: красноармейцы округа, в том числе и восставшей 9-й дивизии, находились в ужасающем положении: "Нет продуктов, нет обмундирования, снаряжения, развивается дезертирство, растут преступления, отсутствует культурно-просветительная деятельность, свирепствуют болезни: тиф, цинга, и пр., заедают паразиты, назревают восстания, применяется мордобой, процветает пьянство и картежная игра." При этом жизнь верхушки округа шла совсем по-другому: "Все вместе представляет чудовищный конгломерат из грязи, крови, авантюры, винных паров, безобразий, преступлений, самоуправства, спекуляции, обмана... Все спешат, все веселятся, устраивают бесшабашные оргии, дым идет коромыслом, и все это на глазах разутых и раздетых красноармейцев, на глазах голодных рабочих и крестьян, на глазах всего населения". Примечательно, что в протоколах допросов следкомом должностных лиц округа довольно часто встречаются слова понимания и даже сочувствия по отношению к мятежникам.

По мнению одного из ответственных политработников округа, лозунг "долой спецов и золотопогонников" накапливался в головах сапожковцев не как результат голого авантюризма, а как прямое и естественное содержание вопиющих фактов в истории округа. При этом отмечалось, что Сапожков мало отличался от красноармейцев, "он мог спать как попало, есть что угодно". Как подчеркивается в заключении следственной комиссии, восстание назревало, с одной стороны, при условии общего недостатка, холода

и нищеты в рядах красноармейцев и, с другой, - обжорства, пьянства и разврата и полной оторванности высшего командования и политруководителей округа от масс и в отсутствии политической работы в Армии³⁸.

Конфликт между “штабами” и бывшими партизанскими частями имел давнюю историю. Так, еще в начале июля 1919 г., во время обороны Уральска, Авксентьевский, тогда командующий 4-й Армией, писал в Реввоенсовет Южной группы Восточного фронта: “Главным недостатком 4 Армии является ее партизанский характер... Против командиров бывших офицеров ведется злостная разлагающая дисциплину агитация. Зачастую целые полки выносят резолюции недоверия не только своему ближайшему командному составу, но даже штабам 4, штабам Южгруппы, обвиняя их в предательстве и измене”. Он отметил, что будет постепенно устранять из Армии всех ответственных, тем более популярных лиц, являющихся вождями партизанщины. Реввоенсовет армии также считал неправильным поощрение главарей партизанства и раздувание и без этого огромного авторитета в глазах красноармейской массы - “главарей, которые, при подобном к ним отношении в самом ближайшем будущем неизбежно станут на путь измены советской власти, тем более что они известны как антисемиты и недавние сторонники лозунга “долой комиссаров”³⁹. В качестве примера такого “взбунтовавшегося главара” приводился И. Плясунков. М.В. Фрунзе тогда смог уладить этот конфликт.

Ненависть к “спецам” и “штабам” была действительно широко распространенным явлением в этой “партизанской” среде красноармейцев. “Недоверие к центру было у него органическое, ненависть к офицерству была смертельная... Это Чапаев измывался по поводу “проклятых штабов”, которые считал скопищем дармоедов, трусов, карьеристов и всяких вообще отбросных элементов”, - писал о Чапаеве Д.А. Фурманов⁴⁰. Та самоуверенность и авантюризм, которые действительно проявил Александр Сапожков, были характерными для его среды - бывших партизанских отрядов, сохранивших в себе с 1918 г.

стремление к независимости, самостийности, трудную управляемость, некоторую стихийность, оппозиционность “проклятым штабам”. Фурманов определил это как *чапаевщину* - “все эти неприятные, временами просто опасные выходы и выпады в сторону политработников, ЧК, штабов”⁴¹. В материалах по расследованию мятежа отмечены склонность Сапожков к партизанщине, его большое честолюбие, а также то, что он “по своим воззрениям и поведению вообще очень близок покойному Чапаеву, сыгравшему в свое время огромную роль в деле ликвидации учредилки”⁴². На наш взгляд, то, что Сапожкова поддержали многие командиры, объясняется не только дружбой и уважением, но и общностью взглядов, поведенческих реакций, а сам мятеж представляется все же не случайностью, а закономерным итогом действия сразу нескольких факторов.

Программа мятежников, как уже отмечалось, была тесно связана с борьбой крестьянства против политики военного коммунизма. Сапожковцы требовали перевыборов советов, упразднения продотрядов, возврата к свободной торговле. В воззвании Реввоенсовета штаба 1-й Армии “Правды” “Ко всему беднейшему, обиженному и угнетенному крестьянству и рабочему населению Российской Республики” указывалось, что в партию пролезли “бывшие буржуи, помещики, генералы, урядники и прочие им подобные сволочи, которые как пиявки впились в тело русского народа и стали пить его кровь без всякой жалости”. Вышло же это потому, что “нынешняя партия коммунистов забрала всю власть в стране и всецело стала проводить диктатуру, то есть полную власть одной только партии коммунистов, но не диктатуру всего пролетариата, как это должно быть”. В конце воззвания мятежники так характеризуют свою главную цель: “Мы хотим заставить правительство прислушаться к нашему голосу и вашему стону, увидеть те тюрьмы и места заключения, битком набитые нами и изменить политику в образе правления страной. Если это правительство действительно народная власть, то она и поймет нас, и услышит, и облегчит нашу жизнь, если же она

не послушает нас, то это правительство не желает добра народу”⁴³. И совсем не случайно свою новую армию мятежники назвали Армией “Правды”. Фактически Сапожковым и его соратниками политика властей оценивалась как предательство идеалов революции (а его отставка стала всего лишь еще одним, последним предательством). Очевидно, что схожие настроения были характерны и для значительной части крестьянской среды.

То, что армия Сапожкова была вынуждена постоянно передвигаться, а также нехватка информации о крестьянстве отдаленных заволжских степей, затрудняет анализ социальной базы этого движения. Известно, что силы Сапожкова после отступления из Бузулука существенно выросли, в его отряд вступило около 1 300 крестьян. Многие из новобранцев были дезертирами из Красной Армии, присоединялись к повстанцам и уральские казаки. В частности, августовский трибунал приговорил к расстрелу Каштанова Сергея за то, что он в Спиридоновке Бузулукского уезда и других селах организовал в помощь Сапожкову отряды из дезертиров⁴⁴.

Весьма противоречивы сообщения, касающиеся отношения крестьян к повстанцам. На наш взгляд, в официальных сообщениях и докладах в вышестоящие органы чаще говорится об отсутствии поддержки со стороны местных жителей, военные же сводки так или иначе свидетельствуют об обратном: “не имея шифра, ответа дать не могу, так как население почти поголовно сочувствует Сапожкову”, “местные жители в громадном большинстве на стороне сапожковцев, сбивая с пути наши разъезды”, “местные жители ему обо всем сообщали” и т.д.⁴⁵ Вероятнее всего, поддержка крестьян носила пассивный характер: они помогали подводами, лошадьми, провиантом, ходили в разведку. Лишь немногие присоединились к мятежникам лично. Мощного восстания не произошло. Свою роль в этом сыграли моральная усталость от непрекращающейся гражданской войны, неверие в возможность победы над большевиками, а также жесткие меры по пресечению попыток присоединиться к мятежу и его подавлению, предпринятые властями.

Тем не менее, мятеж Сапожкова породил волну бунтов, прокатившихся по южным уездам Самарской и Саратовской губерний. Так, в военный отдел Продармии сообщали, что “во всех районах наблюдаются восстания кулачества, которые избивают членов райпродколлегий, райпродкомиссаров, и в дальнейшем ведение продработы без помощи вооруженной силы недопустимо”. Мятеж Сапожкова сказался и на кампании по заготовке продовольствия. Дело в том, что 1920 год оказался неурожайным, и поэтому продработы шла необычайно тяжело. Вести ее без поддержки войск было невозможно, но основные силы оказались задействованы в подавлении мятежа. Эта ситуация практически застопорила продовольственную работу в районе восстания вплоть до конца сентября⁴⁶.

Мятеж искателей “всей правды на земле” закончился поражением. То, что на ликвидацию восстания ушло около двух месяцев, объясняется не столько его силой, сколько недостаточно эффективной организацией подавления мятежа со стороны командования Заволжского военного округа. Тем не менее, мятеж Сапожкова выявил все “болевые точки” во взаимоотношениях советской власти и значительной части крестьянства, а также красноармейцев - вчерашних крестьян, которые еще в 1918 г. решительно встали на ее защиту, и наглядно продемонстрировал необходимость существенных перемен в политическом курсе советского правительства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воззвание. Издано революционным военным советом Армии “Правды” 18 августа 1920 г. Копия⁴⁷

Армия “Правды” обращается ко всем жителям Новоузенского уезда и всей Российской Республики с ПРИЗЫВОМ:

ТОВАРИЩИ труженики рабочие и крестьяне городов и деревень, соединяйтесь в одну мощную силу и старайтесь сбросить с себя кабалу лже-коммунистов, которые взяли только одно - привилегию. ТОВАРИЩИ, разбирайтесь кто ваш враг и кто ваш защит-

ник. Все воюющие против крестьян и рабочих - это лже-коммунисты из захвата своей диктатуры есть враг народа. Мы, рабочие, обижены ими:

- 1) берут сыновей на защиту захвата
- 2) берут скот у тех же рабочих и крестьян
- 3) берут хлеб даже до последнего куска
- 4) берут: (так в оригинале – Ю.А.)
- 5) не дают жить как человеку
- 6) приняли всю буржуазию в партию
- 7) допустили белогвардейцев-спецов ко

власти

8) закинули всех рабочих и крестьян за борт. -

НО МЫ это в корне протестуем. Все возможное насилие. Вам говорят эти лже-коммунисты комиссары, что Сапожкова армия давно уже разбита – нет, товарищи, не верьте это ложь: мы с самого города Бузулука сражались с ними и за все время они не могли. ....(неразборчиво вписано пером – Ю.А.) у нас отбить а мы, как вам уже наверное известно, что 14-15 сего августа разбили их два татарских отряда, забрали 2 орудия, 7 пулеметов, 500 пленных, 300 снарядов, 70.000 патронов, 650 винтовок и много других припасов и снарядов: знайте, товарищи красноармейцы и труженики, что Саратовские, Самарские, Царицынские, Камышинские, Пугачевские, Бузулукские, Бухарские, Сибирские так же и Персидские и вообще все рабочие с нами. По всей России отказался народ нести такие невыносимые насилия над трудовым народом. Товарищи красноармейцы, опомнитесь, вас обманывают лже-коммунисты и буржуазия и посылает на нас. Посмотрите, кто Вами командует, кто залез в учреждения, и кого Вы защищаете, у вас дома все взяли, а Вы льете кровь за тех же захватчиков. Армия “Правда” еще не производили расстрелов, но та свобода, которую вы защищаете, расстреливает наши семьи и сажает в тюрьмы, так почему же Вы видя такое насилие незаконное, почему не оттолкнете от себя предателей жизни, вы видите, как Ваши Комиссары оставляют Ваши ряды и убегают, оставляют Вас на произвол судьбы. Опомнитесь, присоединяйтесь и скорей уничтожишь всю неправду на ПРАВДУ на земле. -

ДОЛОЙ все насилие. ДОЛОЙ лже-коммунистов.

Долой диктатуру КОМИССАРОВ

Чистка всех советских учреждений от контр-революционеров

ДА ЗДРАВСТВУЕТ вся ПРАВДА на з е м л е

Да здравствует вся правда... вождем революции товарищ Ленин

Реввоенсовет 1-й армии “ПРАВДЫ”

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Figs O. Peasant Russia, Civil War: Volga Countryside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989.

² Самарский областной архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 174об.

³ Кутяков И.С. С Чапаевым по уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией. М.-Л., 1928. С. 27.

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия М., 1983. С. 405.

⁵ Таубин Р.А. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1934. №12. С. 56-57.

⁶ Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. С. 141.

⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 174об.

⁸ Там же. Д. 380. Л. 79.

⁹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25872. Оп. 1. Д. 715. Л. 2-3.

¹⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 79об.

¹¹ См. например: Таубин Р.А. Разгром... С. 58.

¹² Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 328. Л. 3, 4.

¹³ Троцкий В.В., Демидов А.Д. 1920 год в Средневожском крае. Москва- Самара, 1934. С. 122.

¹⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 79об.

¹⁵ Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 522. Док. 440.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 176.

¹⁷ Там же. Д. 380. Л. 86. Д. 379. Л. 12.

¹⁸ Там же. Д. 266. Л. 175об, 177.

¹⁹ Там же. Д. 379. Л. 52, 53.

- ²⁰ РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 715. Л. 4.
²¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 176об.
²² РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 836.
²³ Там же. Д. 749. Л. 627об.
²⁴ Там же. Д. 16. Л. 66.
²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 109. Д. 117. Л. 4.
²⁶ Там же. Л. 5.
²⁷ РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 715. Л. 14.
²⁸ *Литвин А.Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972. С. 229.
²⁹ *Ленин В.И.* Телеграмма Уральскому ревкомму и президиуму Саратовского губисполкома // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 348.
³⁰ Там же. С. 347-348.
³¹ РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 749. Л. 128, 27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 117. Л. 11.
³² РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 16. Л. 152, 158, 218.
³³ Там же. Д. 773. Л. 12-13.
³⁴ Там же. Л. 2.
³⁵ Там же. Д. 16. Л. 125-127, 138, 148, 162, 174, 176, 177, 219, 270, 271, 275, 278, 279, 310. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 81.
³⁶ См. например: *Литвин А.Л.* Крестьянство Среднего Поволжья... С. 223-224; *Таубин Р.А.* Разгром... С. 58.
³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 117. Л. 2.
³⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 60, 78, 78об., 82об., 86.
³⁹ РГВА. Ф. 254. Оп. 1. Д. 4. Л. 232-233об.
⁴⁰ *Фурманов Д.А.* Чапаев. М., 1981. С. 99, 117.
⁴¹ Там же. С. 271.
⁴² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 174об.
⁴³ Там же. Д. 379. Л. 56.
⁴⁴ РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 16. Л. 127.
⁴⁵ Там же. Д. 459. Л. 11. Д. 460. Л. 2об. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375. Л. 6.
⁴⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 11. Д. 473. Л. 17, 23.
⁴⁷ РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 771. Л. 10-10об.

COMMANDER SAPOZHKOV'S "ARMY OF TRUTH"

© 2006 Yu.Yu. Anshakova

Volga Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Samara

Alexandr Sapozhkov was a Red Army hero and a commander of a cavalry division who led it into an anti-communist mutiny in 1920 that spread to some parts of Samara, Saratov and Uralsk regions. The paper treats the reasons and the program of the mutiny.